

ИРВИН ШОУ

РАСТРЕВОЖЕННЫЙ ЭФИР

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-31
ББК 84(7Сое)-44
Ш81

Серия «Эксклюзивная классика»

Irwin Shaw
THE TROUBLED AIR

Перевод с английского *В. Вебера*

Серийное оформление *А. Фереза, Е. Ферез*

Дизайн обложки *В. Воронина*

Печатается с разрешения наследников автора
и литературных агентств
The Sayle Literary Agency и The Marsh Agency Ltd.

Шоу, Ирвин.

Ш81 Растревоженный эфир : [роман] / Ирвин Шоу ; [перевод с английского В. Вебера]. — Москва : Издательство АСТ, 2023. — 576 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-157620-2

Мрачные времена маккартизма, подозрительности и страха. В студии популярной радиостанции беспокойно: сотрудников обвиняют в том, что они коммунисты, журнал угрожает раскрыть эту информацию, череда незначительных событий приводит к катастрофам, и режиссер Клемент Арчер вновь и вновь встает перед трудным выбором...

«Растревоженный эфир» — это книга о непрерывной внутренней борьбе, о вере и расплате за свои убеждения, о сделанных и несделанных выводах, о разных ценностях и о том, как порой сложно донести их до другого человека.

Роман был опубликован в 1951 году. После того как Ирвина Шоу обвинили в сочувствии коммунистам и занесли его имя в «черный список Голливуда», он покинул Соединенные Штаты и на двадцать пять лет переехал жить в Европу.

УДК 821.111-31
ББК 84(7Сое)-44

© Irwin Shaw, 1951
© Перевод. В. Вебер, 2023
© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

Посвящается Мартину

ГЛАВА 1

На обшитой звукопоглощающим материалом стене висели часы, длинная стрелка которых, отсчитывая минуты вечера четверга, приближалась к нижней точке. До половины десятого оставалось всего ничего. Негр в кашемировом пиджаке и со шрамами на щеке всматривался сквозь очки в листки с текстом, зажатые в его руках, проговаривая ремарку, на репетиции показавшуюся всем присутствующим очень забавной. Пятнадцать миллионов слушателей смеялись. Должны были смеяться. Или не смеяться. Но последствия их реакции могли сказаться лишь позже, при заключении очередного контракта.

У пульта Клемент Арчер, отделенный от студии звуконепроницаемым стеклом, помахал рукой, показывая, что они не укладываются в отведенное время. И тут же Виктор Эррес, стоявший рядом с негром, заговорил чуть быстрее, чем обычно, сокращая паузы. Потерянные секунды удалось отыграть.

Убедившись, что этот четверг остался на них, Арчер откинулся на спинку стула, всматриваясь в актеров, находившихся по другую сторону стекла. Сладкоречивые рыбки в чистеньком аквариуме, они то подплывали к кормушкам-микрофонам, то уплывали от них, и их голоса и звуки музыкальных инструментов из другой комнаты аккуратно смешивались

звукоинженером, который сидел в наушниках за пультом рядом с Арчером.

Музыка набирала мощь, и дирижер выделял трубача гораздо больше, чем хотелось бы Покорны, автору этой композиции. Арчер не сомневался, что Покорны, который устроился на краешке стула за его спиной, сейчас недовольно морщится. Арчер повернулся. Покорны морщился. Он никогда ничего не скрывал. Толстые обвисшие щеки, маленькие бесцветные глазки за стеклами очков, розовый ротик бантиком мгновенно отражали любую мысль, мелькавшую в голове композитора. Вот и сейчас красноречивой мимикой он стремился сообщить всему миру, что не несет никакой ответственности за те звуки, которые этот мясник-дирижер вытягивает из своего оркестра, что американцы играют слишком громко, он об этом предупреждал, боролся изо всех сил, но, как обычно, потерпел поражение, потому что он иностранец.

Арчер улыбнулся и вновь посмотрел на актеров. Музыка ему нравилась. Он потерял лысину. Волос Арчер лишился к двадцати пяти годам, но в процессе приобрел вредную привычку хвататься за макушку несколько раз в час, словно стараясь убедить себя в том, что плохие новости — явь, а не плод его воображения. С той поры минуло аж двадцать лет, никаких подтверждений больше не требовалось, но маковку он тер по-прежнему.

Музыка смолкла, завершающая сцена плавно катилась к последней фразе. По другую сторону студии, в галерее, отделенной от нее еще одним звуконепроницаемым стеклом, сидели О'Нил, представитель агентства, продюсировавшего программу, и спонсор. На лице спонсора отражались не радость, не тревога, а чувство собственного достоинства. «Будем считать,

что он всем доволен», — подумал Арчер и вслушался в длинный диалог Эрреса.

Сцена закончилась, грянула музыка. Покорны вновь скорчил гримасу, но уже не столь выразительную. Диктор хорошо поставленным голосом отрекламировал продукт. Чувство собственного достоинства не покидало спонсора ни на секунду. Прогремел и стих последний музыкальный аккорд. Инженер отключил звук. На несколько секунд в студии повисла благословенная тишина. Арчер моргнул и поднялся. В студии актеры оторвались от микрофонов и заговорили. Арчер похлопал звукоинженера по плечу.

— Ты молодец, Джонни. Никогда в жизни не видел столь артистичного звукоинженера. Такие элегантные движения левой руки, такая власть над музыкантами, такой контроль над представителями Американской федерации актеров радио¹.

Бревер, звукоинженер, заулыбался.

Эррес поднял голову, посмотрел в пультовую, нашел взглядом Арчера и приглашающе вскинул руку, словно держал в ней стакан.

— Характерный актерский жест. — Арчер кивнул Эрресу. — Как по-твоему, Джонни, что у него в стакане — пиво или бурбон?

Он двинулся к выходу мимо Барбанте, который все еще сидел на стуле, постукивая сигаретой по тяжелому золотому портсигару. Барбанте писал сценарий программы, и обычно в такие моменты лицо его становилось иронически-воинственным. Невысокого роста, широкоплечий, черноволосый, он одевался

¹ Американская федерация актеров радио и телевидения (поначалу только радио) — профсоюз, основанный в 1937 году и объединяющий актеров, певцов, дикторов и специалистов некоторых технических специальностей, обеспечивающих радио- и телетрансляции. — *Здесь и далее примеч. пер.*

как дипломат и всегда благоухал дорогой туалетной водой. После передачи Арчер не любил общаться с Барбанте.

— А сценарий очень даже ничего. — Арчер чуть поморщился — не нравился ему запах туалетной воды. — Ты со мной согласен, Дом?

— Я-то думал, что сценарий превосходный. Иначе и не скажешь. Сэр Артур Уинг Пинеро¹ дважды перевернулся в могиле от зависти.

— Сообщение для всего творческого коллектива. — Арчер смотрел на Барбанте, которого, мягко говоря, недолюбливал. — С этой самой минуты критика сценариев оплачивается из гонорара автора.

— Ты меня спросил, амиго, — Барбанте широко улыбнулся, — я тебе ответил. Со следующей недели могу попросить прибавки.

— Мистер Арчер, мистер Арчер, — подал голос Покорны, который, стоя за спиной режиссера, надевал длинное пальто.

Арчер уловил в его тоне жалобные нотки и тяжело вздохнул, поворачиваясь к композитору.

Покорны уже обмотал шею шерстяным шарфом. Рыжеватый твидовый костюм был ему велик, брюки волочились по земле. На розовом пальто, там, где оно облегало животик Покорны, темнели жирные пятна. Длинные редкие седые волосы свисали из-под широких полей черной велюровой шляпы. Покорны выглядел как кавалер, отвергнутый слабоумной гувернанткой, дядя которой играл в военном оркестре. Композитор подошел к Арчеру и схватил его за руку.

— Мистер Арчер, при всем моем уважении к вам я считаю необходимым отметить оскорбительное по-

¹ Пинеро, Артур Уинг (1855–1934) — английский драматург.

ведение дирижера. — Говорил он с певучим венским акцентом, никогда не моргал, и у Арчера создавалось впечатление, что композитору, когда он вел речь о своей музыке, хотелось сесть к собеседнику на колени.

— А мне показалось, что с музыкальным сопровождением у нас полный порядок, Манфред. — Из вежливости Арчер назвал Покорны полным именем, зная, что привычного уменьшительного Мэнни тот терпеть не может.

— Возможно, не мое дело затрагивать эту тему, — еще крепче вцепился в рукав Арчера Покорны, — но я чувствую, что мой долг сказать вам: каждая нота сыграна на сто процентов фальшиво. — Влажные губы Покорны задрожали. — Я просто хочу, чтобы вы знали мое мнение. Дирижер отказывается говорить со мной, вот я и ставлю вас в известность о том, что переходы должны быть резкими, острыми, как грани бриллиантов. Мы же имеем поток сентиментальности, Ниагару взбитых сливок, Рейн патоки.

Арчер улыбнулся и осторожно высвободил рукав.

— Я знаю, Манфред. Вы правы. На следующей неделе я приму меры. Положитесь на меня.

Арчер вышел из пультной и спустился в студию. Барбанте последовал за ним, перебросив через руку черное пальто из мягкой ткани, и направился к мисс Уилсон, самой симпатичной из артисток, занятых в программе. Та разговаривала в углу с другой актрисой, исполнявшей характерную роль, и делала вид, что совсем не ждет Барбанте. Роста в нем от горшка два вершка, физиономия — смотреть не на что, кто бы мог подумать, что такие вот красотки будут ждать Барбанте, этого надушенного холостяка, с завистью подумал Арчер. Должно быть, есть в этом коротышке особенные качества, оценить которые могут толь-

ко женщины. Причем с любого расстояния, вплоть до мили. А в условиях плохой видимости — по приборам. Арчер увидел, как на губах девушки расцвела нервная улыбка, свидетельствующая о том, что она готова сдаться на милость победителя, и отвернулся, недовольно хмурясь.

Но к нему уже спешила Элис Уэллер, и суровые морщины на лице Арчера тут же разгладились. Элис все старалась гладить по шерстке, ведь жизнь у нее вообще складывалась неудачно, а в последние два года она катастрофически старилась.

— Как я сегодня? — спросила Элис, близоруко щурясь. Она уже надела свою ужасную шляпку, которая сидела у нее на голове, как хлебница. — Во второй сцене я все сделала, как ты и хотел? — низким молящим голосом спросила она.

— Сегодня ты была неподражаема, — ответил Арчер. — Как всегда.

— Спасибо. — Элис покраснела от удовольствия, а ее пальцы забегали по сумочке. — Очень приятно слышать от тебя такие слова. — Стараясь изгнать мольбу из голоса, Элис добавила: — Может так случиться, что я понадоблюсь тебе на следующей неделе, Клемент?

— Конечно! — воскликнул Арчер. — Я в этом почти уверен. Я тебе позвоню. Надеюсь, сходим куда-нибудь на ланч.

— Вот было бы здорово, — живо откликнулась Элис. — С нетерпением буду ждать...

Арчер наклонился и поцеловал ее в щеку.

— До свидания, дорогая. — Отходя, он заметил, что Элис вновь покраснела.

— Азартные игры... — говорил Эррес, когда Арчер подходил к нему. — Азартные игры — проклятие человека труда. — Он и Стенли Атлас играли в «орла

и решку». — Одну минуту, Клемент. Должен же я его обчистить.

— Стенли, — повернулся Арчер к актеру-негру, который полез в карман за новыми монетами, — сегодня ты опять затыгивал.

— Правда? — Стенли достал два четвертака.

— Ты знаешь, что затыгивал. — В голосе Арчера слышались нотки раздражения. — Ты бы попытался рассмешить и смерть.

Атлас улыбнулся. Когда он улыбался, двойной шрам на щеке начинал напоминать кавычки. Лицо у Атласа было очень спокойное, и едва ли кто мог подумать, что он когда-то бывал в местах, где в драке люди пускают в ход бритву. Модная одежда, литературная речь... лишь легкий акцент указывал на то, что детство его прошло в Тампе.

— Мои слушатели ждут от меня этого, Клем. — Атлас подкинул два четвертака. — Голос черного, ленивого Юга. Реки, неторопливо несущие свои воды, ивы на берегах, мулы на пыльных дорогах...

— Когда ты в последний раз видел мула? — спросил Арчер.

Атлас снова улыбнулся.

— В двадцать девятом году. В кино.

— Тем не менее, — Арчера раздражало это умиротворенное черное лицо над белым воротничком, — отныне я прошу тебя прибавить скорости, говорить быстрее.

— Да, босс, — кивнул Атлас, — конечно, босс, будет исполнено, босс. — Он повернулся к Эрресу и через несколько мгновений остался без двух четвертаков.

В студию, застегивая пуговицы пальто, вошел О'Нил. Пальто это, отороченное норкой, ему подарила актриса-жена, купающаяся в деньгах. Иногда

он надевал и котелок. Арчера восхищала смелость О'Нила, появляющегося на людях в пальто, отороченном норкой, да еще и в котелке. В данный момент О'Нил придал своему лицу очень серьезное выражение, которое шло ему, как бородака — олдермену.

— Ага, — улыбнулся Эррес, — отороченный норкой О'Нил.

— Привет, Вик, — поздоровался О'Нил. — Стенли, Клемент. Хорошее шоу. Спонсор доволен.

— Сегодня мы умрем счастливыми, — заверил его Арчер.

— Клемент и я собираемся выпить с моей женой, — сказал Эррес. — Составишь нам компанию?

— Спасибо, — ответил О'Нил. — Не могу. У меня дела. — Он посмотрел на Арчера. — Клем, можно тебя на минутку?

— Через минутку вернусь, — пообещал Арчер Эрресу и последовал за О'Нилом в дальний угол. Студия практически опустела, лишь звукорежиссер сидел за роялем и наигрывал мелодии песен. Сейчас вот звучала «La vie en rose»¹. Звукорежиссер напрочь забыл о тех звуках, за которые получал деньги: шум дождя, шаги по дорожке, усыпанной гравием, скрежет сталкивающихся автомобилей. Он переключился на мелодию песни о несуществующем теплом острове посреди южного океана. Играл он плохо, но зато с чувством, и слушатели сразу понимали, что звукорежиссера очень тянет в те далекие спокойные, меланхолические дали.

О'Нил остановился и повернулся к Арчеру.

— Послушай, Клем, — прошептал он, — один человек устраивает нашему спонсору небольшую вечеринку, и он хочет, чтобы ты пришел.

¹ Жизнь в розовом свете (*фр.*).

— С удовольствием. — Арчер никак не мог взять в толк, почему О'Нил потащил его в дальний угол и перешел на шепот. Сообщение на секрет явно не тянуло. — Мы только заскочим в «Луи», заберем Нэнси Эррес и приедем. Какой адрес?

О'Нил покачал головой.

— Нет, — вновь зашептал он. — Эрреса не приглашают.

— А-а... — протянул Арчер. — Ну, тогда извини.

— Спонсор хочет поговорить с тобой.

— В любое время с девяти до пяти. Спонсору скажи, что после работы со мной договариваться сложно.

— Хорошо. — Чувствовалось, что О'Нил с трудом сдерживается. — Я ему совру, что у тебя разболелась голова.

— Ложь — основа современных общественных отношений. Так что деваться нам от нее некуда, Эммет.

О'Нил ответил долгим взглядом темно-синих глаз. Взгляд был дружелюбным, хотя в нем и читалось некое замешательство. О'Нил чем-то напомнил Арчеру бульдога, который пытается общаться с людьми, но не знает, чем восполнить отсутствие дара речи.

— Извини, Эммет. Я обещал Вику, что поеду с ним.

— Понятное дело. — О'Нил энергично кивнул. — Не бери в голову. Сможешь заглянуть завтра в мою контору? Мне надо тебе кое-что рассказать.

Арчер вздохнул.

— Пятница у меня выходной, Эммет. Нужно ли так спешить?

— Скорее да, чем нет. Дело важное. Как насчет одиннадцати?

— В половине двенадцатого. Завтра мне захочется выспаться.

— В половине двенадцатого. — О'Нил надел шляпу. — Только не звони мне, чтобы сообщить, что не сможешь прийти.

— О'Нил, ты эксплуататор. — Во взгляде Арчера появилось любопытство. — А в чем, собственно, дело?

— Я скажу тебе завтра.

О'Нил вышел из студии, не попрощавшись ни с Эрресом, ни с Атласом.

Звукорежиссер все сидел за роялем и теперь сражался со сложной аранжировкой «Волшебного вечера». В музыке слышалась великая печаль, словно он сообщал слушателям о том, что всякий раз, когда влюблялся, ему давали от ворот поворот.

Арчер покачал головой, забыв об О'Ниле и его проблемах до завтрашнего утра. Взяв пальто и шляпу, он направился к Эрресу, который освободил карманы Атласа от мелочи и теперь читал газету.

— С делами покончено, — доложил Арчер. — Пора и развлекаться.

— Хит сезона — убийство из милосердия. — Эррес кивнул на газету и надел пальто. Вдвоем они направились к двери, на прощание махнув рукой Атласу, который дожидался приятеля. — Врачи с инъекциями воздуха, мужья с мясницкими ножами, дочери с полицейскими револьверами. В эти дни милосердного насилия выше крыши. Общество открывает совершенно новый путь к святости. На суде над военными преступниками по окончании следующей войны защищать их будет общество сторонников эвтаназии¹. Они, конечно, скажут, что водородная

¹ Эвтаназия — умерщвление безнадежно больных по гуманным соображениям.

бомба сброшена из жалости. Чтобы спасти население города, а то и страны от мучительной смерти от рака в частности и от тягот жизни вообще. Весомый аргумент. Кто решится вынести обвинительный приговор?

Арчер улыбнулся.

— Я знал, что кто-нибудь наконец-то докажет, сколь опасен для здоровья прямой эфир. Всем чиновникам от радио — служебная записка: «Будьте осторожны, имея дело с прямым эфиром».

Они вошли в кабину лифта, чтобы выйти из нее двадцатью этажами ниже навстречу порывам холодного ветра.

Светились витрины, тротуары приятно удивляли чистотой, мимо медленно проползали свободные такси. Арчер чувствовал, что вечер только начинается и впереди их еще ждут славные дела.

Он зашагал к Верхнему Манхэттену, Эррес пристроился рядом. Оба высокие, широкоплечие. Правда, Эррес был почти на десять лет моложе. Эхо их шагов отдавалось от стен домов. Шли они на север, навстречу ветру.

— Что с О'Нилом? — спросил Эррес. — У него было такое лицо, будто инженеру укусила его за зад.

Арчер усмехнулся. С Виктором надо держать ухо востро. Он вроде бы ничего не замечает, а на самом деле от него не ускользает ни одна мелочь. Его внутренний барометр улавливает малейшие изменения эмоциональной атмосферы.

— Не знаю. Может, спонсор чихнул во время рекламной паузы. Или гардеробщица погладила норку против шерсти.

— Норка, — кивнул Эррес. — Парадная форма. Надевается на парады, на заседания военного трибунала и при демобилизации. Как по-твоему, теперь,